

АНДРЕЙ ОРБЕЛИАНИ.

ЛУННАЯ СОНАТА.

МЕРРИТТ 1967

П р е д и с л о в и е .

Покорнейше прошу читателя
О снисхожденьи,
Правдоподобие не надо здесь
искать.
Всё здесь описанное только
сновиденья.
За содержанье снов, кто может
отвечать?

ЛУННАЯ СОНАТА

Сон Первый

Приснилось мне Бог весть с какой то стати,
Что главный наш Патрон,
Зачинщик высших дел,
Вдруг неожиданно зашел ко мне в отдел.
Начальство высшее глубоко уважая
Я всё таки коварного вопроса ожидаю.
Он говорит: 'Вот вы Бельгийский Инженер
' Должны бы это знать на ваш манер,
' Хотя мы сами это всё подробно рассчитали,
' Но вашего отчёта не видали.
' Так вот нам очень бы желательно узнать,
' Как на Луне нам марганец копать.
' Работ условия мы точно изучили
' И цену транспорта нам сообщили.
' Геолог наш, ваш друг, с своей женой
' Секретно на Луне работает с рудой.
' Но атмосферы нет и в этом затрудненье,
' Мы ждём от вас скорейшее решение.
' Миллиардов двадцать можем положить,
' И вам сто долларов прибавки заплатить.'
Сто долларов прибавки! Это ведь приятно,
И на Луну задаром с'ездить очень то азартно.
Но воздух - воздух то, откуда я возьму,
И как его доставлю на Луну?!

Есть книга у меня в старинном переплёте,
Её магичнее или умнее не найдете.
Она мой старый друг - мой верный друг простой.
Когда все современные заумные издания,
В стандарты узкие затиснутые знания,
Не могут мне помочь в моей беде,
Тогда я довоенный *Hutte* в русском переводе
Вытаскиваю с полки и читаю на свободе,
И вдохновляюсь и дух светлеет мой.

И так Луна - небесное светило,
Без воздуха - простой белесый диск,
Вдруг станет радужным цветком Вселенной:
Закаты алые, жемчужность облаков,
Густые отблески зелёных островов.
Всё мы увидим в воздухе прозрачном,
Лишь бы найти ответ моей задаче.

Где воздух есть? Конечно на Земле,
Но воздух тот земной принадлежит не мне.
Мне надо воздух никому не нужный.
Он на Венере есть, хоть не совсем воздушный:
Там углекислый газ бездушный,
Удушлив и тяжел, хоть в нём и кислород;
Как будет в нём дышать наш рудничный народ?

И так приступим к делу: В центре запросить
Анализ точный воздуха Венеры,
О том как нам его сгустить,
Наверно знают на заводе инженеры.
Сгустить или ожигить? Лучше что?
Ведь это углекислота - ну да, конечно!
Её в замерзшие кристаллы превратить,
В кристалах можно сохранить навечно.
К тому прибавится ведь всякая труха,
Раствор амониака - замерзшая вода,
Хотя вода и на Луне нужна -
Растить картофель без воды нельзя.
Одна картошка в углекислоте произрастает
И кислорода много выделяет.

И так Диану мы попробуем одеть
В хитон Венеры, что за наслажденье
Богиню красоты узреть,
В её загадочном, божественном виденьи.
Но у Венеры много есть нарядов дорогих,
Её мы только чуточку ограбим:
Возьмём процентов восемь тучек золотых
И вечный дождь немножечко ослабим.

Теперь пошлём телеписьмо.
Кому - 0-0 один - 0-0 ему (читайте
И от меня - 0-0 и два букву 0)
Ещё 0-0 и это я.
О чём: Один-один - 0-0-0-0
Ещё один и пять зеро.

Письмо я это написал,
Но сразу всё-же не послал.
Пойду начальству покажу
И разрешенье попрошу.

Начальник очень занятой,
Всегда любезен он со мной.
Телеписьмо он подписал
И мне ни слова не сказал.
Но вижу я в письме моём
Поправку сделал он пером:
За восемнадцатым нолём
Поставил запятую он.
Как много запятая та,
Мне после горя принесла.
Нигде я не могу узнать,
Как запятую прочитать.
Я телеписьма получал,
Но запятых я не встречал.
Я телеписьма отправлял,
Но запятых я не вставлял.
Спросить о запятой боюсь,
Прослыть невеждой не решусь.

'О Чарли ты помощник мой,
Тебе скажу секрет большой:
Здесь запятая за нолём,
Стоит написана пером.
Значенье точное найди
И мне скорее принеси.'

Письмо держать я не могу,
Телетипистке отнесу.
Пускай пошлёт как есть оно,
В ответе вскрыется само.
Телетипистки в наши дни
Без исключения все умны,
Красивы, свежи и чисты,
Как новой пластики цветы.

К телетипистки я пошёл
И с нею разговор завёл:
Вот это надо мне послать
И сразу бы ответ узнать.
Взялась, печатает она,
Да запятая подвела.

'Я запятую не могу
Включить в компьютер на ходу.
Машины нету у меня,
Чтоб запятая подошла.
Хотите ждите года три -
Построят новое шаси.'

Насилу упросил её,
Послать без запятой письмо.
Пришёл ответ - ура, ура,
Венера вышла у меня.
А Чарли где же? Друг родной
Умчал в Нью Йорк за запятой.

Теперь хочу вам сообщить,
Как воздух я хочу возить.
Между Венерой и Луной
Таможни нету никакой.
Вози хоть водку, хоть табак
Или для опиума мак;
Нельзя там груз перехватить,
Нельзя дорогу запретить.

Возьму снарядов тысяч сто,
Чтоб поместить своё добро,
И запущу их в верх летать,
Мою Венеру догонять.
А там их надо подхватить,
Коробку каждую сцепить
Со спутником и задержать;
В орбиту точную вогнать:
Не высоко, не глубоко,
Чтоб зачерпнуть моё добро.
Потом поддаст её толкач -
Лети голубчик дальше вскач.
Ни экипажа, ни машин,
Летит там груз совсем один.
Летит хоть тысячу веков,
Тот груз останется таков.
Ну а, конечно, у Луны
Нам снова толкачи нужны.

И будет цепь такая течь
И будем мы её стеречь;
И через столько-то годов
Мой воздух на Луне готов.

И будем жить мы на Луне,
Как раньше жили на Земле.
И будем счастье искать,
О невозможности вздыхать.
И будем марганец копать
И сто долларов проживать.

Сон Второй

И снова снится мне с какой то стати,
И снова тот же несуразный сон:
Как будто я лежу в своей кровати
И вдруг так громко звонит телефон.

Не правда ль - вы такой то Мистер,
И номер ваш таков - Ну да, ну да!
Вас вызывает тотчас наш министр,
Явиться вы должны немедленно сюда.

Едва оделся, как такси я вижу
Уже стоит перед моим окном
И мчит меня куда не вижу
И вот привёз в мне незнакомый дом.
Завод то не завод, больница не больница,
Снуёт народ туда-сюда.
Кому же должен я явиться,
Кому сказать, что это я?

И вижу надпись - Лунная Соната -
Я догадался - вот оно куда!
Зовёт Патрон - он мне сказал когда-то,
Что Лунная Соната для меня.

Вхожу и вижу возвышенье,
На нём судья с белесым париком,
Кругом народа всякого скопление,
Иду я прямо не смотря кругом
И говорю: 'Вот я явился
Я. Призыву вашему охотно отдался,
На предложенье ваше согласился
И буду вам содействовать всегда.
Он. Он говорит: 'Мы ожидали
От вас покорности такой,
Мы очень многим отказали
Для этой роли неземной.

Теперь хотим мы подтверждение,
Способность вашу испытать
И твердость ваших убеждений
Публично прессе показать.

Он Готовы ль вы сейчас присягу,
В своей покорности нам дать;
Секретной миссии отвагу,
Перед судьбою доказать.

Я Да, ваша грёс, я обещаю,
Присягу я сейчас прийму,
Поехать на Луну желаю,
Неустрашимость докажу.

Он Итак извольте, вот возьмите,
Здесь Библию одной рукой,
Другую руку протяните
И повторяйте всё за мной.

Присяга: Клянуся я своей душой,
Клянусь на Библии святой:
Что всё я в тайне сохраню,
Что ни увижу не скажу,
Что ни услышу не пойму,
Что никому не намекну,
Что - что-то знаю про Луну.

Я Но как же это про намёк,
Никак я не могу взять в толк,
Когда здесь пресса вся сидит
И репортажем шелестит.

Он Не беспокойтесь дорогой,
Никто не верит прессе той:
Превознесут вас до небес,
Поверит вам один балбес
И легче будет вам смолчать
И славу скромностью стяжать.

Он Теперь, вы знаете, прививка вам нужна
От всяких бед вас защитит она:
Подвергнутся вы можете везде
Заразе коммунизма на земле.
Но там, когда вы будете одни
Без равновесия и тяжести земли.
Когда нельзя ни верх ни низ узнать,
Там голову не трудно потерять.

Он: Прививка наша все сомненья усыпит,
Инстинкты собственности укрепит.
И главное спокойнее для вас
То знать, что вы всё тот же — всякий час.
От серума того у всякого на лбу
Вдруг вырастает шишечка в углу.
Она почти-что не видна,
Но всякому в опасности нужна.
Пока та шишечка живёт,
Вас никакой оратор не собьёт.
Но если эта шишечка ушла,
Растает, или пропадет она,
Тогда беги скорей домой,
В опасности находишься большой.

Теперь вам следует понять,
Что предстоит вам испытать:
Коль шишка быстро нарастёт,
То вы хороший патриот,
А если лоб ваш будет чист,
Вы значит тайный коммунист.

Меня сомнение берёт,
Какой я вправду патриот.
Я Русский был, потом Грузин,
Югославенский гражданин.
Позднее я Бельгийцем стал
И в Конго негров погонял.
Теперь в Канаду я попал
И Королеве присягал.
Но коммунизма я не знал
И Капитала не читал;
Хотя, конечно, капитал
В любой монете уважал.

Прививка чудно удалась
И шишка быстро поднялась.

Опять такси меня везёт
И вот привёз в аэропорт.
Проститься надо мне с женой,
Запомнить всё что взял с собой.
Опять чего-то я не взял,
Опять покушать опоздал.
Жена не знает что сказать...
Я не умею утешать.
Я знаю, что Патрон позвал,
Не знаю, что он обещал.
Неужто из за ста рублей,
Расстаться надо будет с ней.

Ах как ужасно джет гудит,
Когда он по-полю бежит.
Но вот как будто он застыл,
По мягкому чему поплыл.
Плывут дороги и поля,
Плывут деревни, города,
Плывут и моря берега.
И наконец одна вода,
Куда ни посмотри одна.

И я как будто задремал...
Проснулся - я куда попал?
Лежу в постели у себя,
Сидит испугана жена.
Ты так тревожно страшно спал,
Что страшное во сне видал.
Смотри-ка у тебя на лбу
Вскочил волдырь вот здесь в углу.

Сон Третий

Опять мне снится еду я куда-то.
Зачем-то должен я спешить.
Поспеть куда? Найти кого-то,
Нельзя мне время упустить.
И я спешу, препятствия повсюду,
Огни на перекрёстках не в попад,
Автомобилей тьма, и просто чудо
Как проскочил сквозь этот ад.

И вот приехал, вижу снова
Я ту-же надпись на дверях:
Соната Лунная, готова.
Моя судьба - какой-то страх
Меня об'емлет. - Ехать надо.
Зовёт Патрон. - Ослушаться нельзя.
Зачем, зачем мне было надо
Соваться в это дело зря.

Вхожу, чертёжный зал огромный,
Народ сидит весь занятой.
Идёт ко мне по виду скромный,
Какой-то господин седой.
Представился - профессор важный.

Он: 'Мы проверяли, говорит,
Весьма ваш замысел отважный
И затруднительный на вид.
Мы тоже сведенья собрали,
Согласны с Вами мы теперь.
Согласье наше мы вам дали,
Но это не открыло дверь.
Ведь не в техническом решении
Порой препятствие встает,
Глупейшее невежды мненье
Прогрессу ходу не даёт.
Хотя учёный всякий знает,
Что вся религия мечта,
Закон и в школе запрещает
Учить детей молиться зря.

Он: Но в юридической машине
Есть суеверий целый ряд:
Считает Библию святыней
Легальный, устаревший взгляд.

Вы на несчастье присягали,
Не чуя вражеский обман
И не подумавши попали
В коварно сложенный капкан.
Из Библии, что вы держали,
Когда перед судьей клялись,
Страницу, будто, оторвали,
Чем изменился клятвы смысл.
Хотя, конечно, неизвестно,
Кем книга та повреждена.
Но если вам было известно,
Что книга та измененна,
То и присяга неуместно
И злонамеренно дана.
И если б наш Патрон почтенный
За вас гарантии не дал,
Вас к длительному заключенью
Приговорить мог трибунал.
Мы все здесь сильно возмущались
Проделки подлой клерикал
И Бога устранить старались
От государственных начал.

Я: Профессор вы меня простите,
Я верю в Бога Христиан,
Меня судите - как хотите,
Я приносил присягу сам.
Писанье Библии святое,
Когда упомянуть пришлось,
То в мыслях у меня иное,
Тогда, конечно, не нашлось.
И если б книга, что мне дали,
Таблицей Логарифм была,
То обещание едва-ли
Теряло силу для меня.

Он: 'Отлично, говорит профессор,
Есть логарифмы здесь у нас.
Подайте книгу мне, ассессор,
А вы, извольте клясться сейчас!'

Что делать мне, в его я власти,
Придется клясться, все равно,
Я рад, что формула, на счастье,
Запомнилась мне хорошо.

Я: 'Клянуся я своей душой,
Клянусь на Библии святой,
Что всё я в тайне сохраняю,
Что ни увижу не скажу,
Что ни услышу не пойму,
Что ни кому не намекну,
Что, что-то знаю про Луну!'

Едва я кончил, вижу я.
Вспылил профессор на меня.

Он: 'Как смеете, вы тут, кричит,
Таблицу логарифм срамить.
Он вновь о Библии наврал,
Всю математику поправил.
Вот изуверство — господи,
Без Бога и считать нельзя!'

Схватил он эту книгу вдруг,
Раскрыл и тычет всем вокруг.

Он: 'Смотрите все — вот он посмел!'
И вдруг умолк и весь осел.
Я вижу мелкая печать,
А цифр, как будто, не видать.
А он кричит: 'Кто, кто посмел,
Принести ту чушь ко мне в отдел!'

Опять проснулся я в поту,
Опять весь в ужасе лежу.
И снова у меня на лбу
Вскочил волдырь вот здесь в углу.

Сон Четвертый

В наш быстрый век, кто помнит сны.
Уж год прошёл от той поры,
Когда я о Луне мечтал
И так тревожно странно спал.
 Забыл небесный перевоз,
 Забыл и клятву что принёс.
 Вся эта сказка о Луне,
 Как будто и не снилась мне.

И вот случилось мне лететь,
На джете по делам смотреть
И очень я тогда устал
И по дороге задремал.
 И вдруг тревожно стало мне,
 Зовет, как будто, кто к себе:
 Когда приеду я туда,
 Вот там и ждёт меня судьба.

Спустился, сел аэроплан,
Я вышел и смотрю на план,
Куда же дальше мне лететь?
Что должен я ещё смотреть?
 Что делать? вспомнить не могу!
 И вдруг всё вспомнил: — про Луну.
 Вот здесь сегодня за углом,
 Наверно ждёт меня Патрон.

Бегу — там скромное на вид
Авто Хозяина стоит.
Сидит Хозяин за рулём
И с ним две дамы за окном.
Его жена, моя жена,
Попала как она сюда?

 'Ну рад вас видеть, он сказал,
 Аэроплан ваш опоздал.
 Не много времени у нас,
 Чтоб передать вам мой указ.
 Дорогой будем говорить,
 И всё успеем обсудить'.

Нельзя мне дальше рассказать,
Пора Патрона описать.
Его-то знаю я давно,
А описать не так легко.
Как бы хозяин он у нас,
Но не владелец больше с'час.

Что род его был тароват,
И был он сам всегда богат,
Сомнения нет ни у кого.
Но сколько денег у него,
Никто не может угадать
Иль приблизительно сказать.

Одет не лучше он меня
И денег не бросает зря,
Автомобиль его простой
Хорош - не слишком дорогой.
И яхта у него одна
И та не слишком велика.
Он плавает на ней с женой,
Берет друзей двух-трех с собой,
Без шкипера и без людей,
Один справляется он с ней.

Служить он начал молодым
На дальнем севере простым
Геологом, и там в снегу
Он выковал свою судьбу.
Он как геолог молодой,
Шёл через Анды за рудой.
Живал в тропическом лесу,
Видал Востока красоту
И не устал и целый век
Вперёд стремится человек.

Я думаю в былые дни
Такие были короли.
Когда он руку вам пожал,
Как будто сто рублей вам дал.
Кому два слова проронил,
Тот будто деньги получил.

Он знает каждого в лицо,
Он знает сколько у кого
Детишек есть, и чем больна
У собеседника жена.
Дурного слова от него
Не слыживал еще никто.
А тот кого он наказал,
Того он просто не узнал.

Я вспоминаю молодым,
Как познакомился я с ним.
Тогда я только-что попал
В Канаду и работу взял
На новом руднике в горах,
В волшебных для меня снегах.

Собрались строить той порой
Камнедробилку под землёй.
И инженеры разных дел
Тянули врозь, кто как умел.
Один хотел её длинней,
Другой пошире и мощней.
Мне надо было угождать
И каждому по нраву дать;
А нрав у каждого крутой,
Завязло дело той порой.

И вот пришли на мой чердак
Патрон и с ним Аэропаг,
Директор, главный инженер,
Начальники на всяк размер,
Сошлись малый и большой
Вокруг меня большой толпой.

Патрон все планы разобрал,
Все предложенья отказал.

Он: 'Всё это дело ерунда!'

Я: 'Но что-же делать нам тогда?'

Он: 'Что делать? Вот сейчас я сам
Тут начерчу дробилку вам!'

И начинает он чертить
И мне сердито говорить:

'Я вижу: Батюшки мои!
Ошибки то опять пошли!'

Я осторожно говорю,
Построить так я не могу.
Он стал сердито возражать,
Свою работу поправлять.
Так в спорах, чуть не до утра,
Дошла работа до конца.

А мой начальник, через год,
Смеясь сказал, как анекдот,
Как это ждали все тогда,
Что выгонит Патрон меня.

А я так мыслю, с той поры,
В мои он верит чертежи.
Хоть приезжает он раз в год,
А как приедет подойдет,
Задаст вопрос, задаст другой,
С улыбкой милою такой.
А ты смотри, следи, держись,
Смотри в ответах не проврись.
Поймает он тебя как раз,
Хотя и виду не подаст.

Ну вот вы знаете теперь,
Хозяин этот - что за зверь!

Теперь напомните вы мне,
Что видел я тогда во сне.
Ах да! Патрон меня встречал,
Бог весть зачем куда-то мчал.

О чём тогда он говорил
И что хорошее сулил,
Никак припомнить не могу,
Вот хоть убейте не скажу.

Одно я помню, я горел
Желаньем чудных страшных дел,
Недосягаемых высот,
Никем невиданных красот.
И дивно, что моя жена
Мечтой той вдохновленна,
Готова жертвовать собой,
Готова ждать хоть год, другой:
'Такой ты смелый у меня,
Лети - храни Господь тебя!'.
Не помню как простились мы,
Я вижу только издали,
Фигурки маленькие три;
Её я вижу посреди,
Как будто бы и впрям она
Судьбой от бед защищена.

А сам то я давно одет
В какой то шелковый корсет.
Вокруг всё мягкий гибкий шелк,
Все стенки мягкий переплёт.
Со мною в комнате пилот.

Минут осталось только пять,
Когда нас будут отправлять -
Четыре, три, вот - вот сейчас
В далёкий путь отправят нас.

Он: 'А ну, товарищ, берегись,
Сейчас нас запускают ввысь.

Я: 'Ах Мистер, Мистер, погоди!'
Я не могу в себя прийти.

Он: 'Остался Мистер на земле,
Вы на советском корабле!'.
Ай да Патрон! Ведь вот урод!

Ведь нанял он Советский Флот!
Так вот, что надо мне скрывать!

Чего не должно понимать!
Вдруг как подбросило меня
И на полу проснулся я.

Бежит хостесса тут ко мне,
Кладет салфетку к голове:

'Забыла вас я разбудить
И пояс крепче прицепить!'.
Я не ударился никак

А шишка выросла с кулак.

Сон Пятый

Мне снова снится Лунная Соната,
Мне снова грезится волшебная страна,
Куда всеильной волею магната,
Бог весть зачем забросило меня.

Не думайте что вижу я просторы,
Равнин и гор бесплодный пейзаж,
Бесчисленных светил пылающие взоры
И радужной земли чарующий мираж.
Я вижу только темные проходы,
Массивность контура подземных скал,
Невиданный узор неведомой породы,
И голубых камней неслыханный закал.

Жить на Луне - зажаришься на солнце.
В тени замерзнешь в пять минут.
Подлунный мир - одно оконце -
Пещерной жизнью все живут.
Конечно жить то под Луной,
Почти-что то что под Землей:
Ни холодно - ни жарко там,
Ни день ни ночь не видны нам.
Часы по времени земном,
Поставил точно астроном.
И так-же скучно как у вас,
Вещает радио подчас.

Но жить ведь можно и другим,
Гореть строительством своим,
Желать устроить и найти,
Убрать препятствия с пути.

Головоломку разгадать,
Сон можно тоже потерять.
Но если ты её поймёшь
И верно дальше поведешь,
Бывает - как клубок она,
Вдруг разматается сама.
Иль как раздвинется порой
Препятствий грозных лес густой,
И свет от истины простой
Вдруг засияет пред тобой.

Нет выше счастья того,
Но кто достигнет до него.
И есть ли умник среди нас,
Что испытал его хоть раз?

Нет, невозможно одному,
Хоть гениальному умч,
Всю сложность мыслью охватить,
Упорство вещи победить.

Выходит так, что не спеша
Трудиться надо сообща,
А тут подход совсем другой
Людской поганой стороной.
Тут хочет каждый заслужить,
Свою идею предложить.
Он прав, и только потому
Что это нравится ему.
Как не толкуй и так и сяк,
Он отвечает как дурак:
Он видит сторону свою
И игнорирует твою,
Готов он дело утопить,
Лишь бы тебе не уступить.
Я это видел сотню раз
И потому вношу в рассказ.

Хоть это верно на Земле,
Но по другому на Луне.
Я сам не знаю почему
Мне так приснилось про Луну.

Мы не святые там живём,
Как и всегда шумим и пьём,
Мы дети разных матерей
И мне казалось бы скорей,
Что мы поссориться должны,
Когда враждой заражены.
Но про вражду забыли мы
Одной мечтой вдохновенны,
Одно желание царит,
Одно мечтание горит.

Казалось, в жизни так легко
Мне не работалось ещё.
Не надо много об'яснять,
Чтоб указанье передать
И возражение его,
Так понимаются легко.

Хотя задача всё одна,
Хотя и трудная она,
Хотя надежда у меня
Порой совсем заглушена,
Но от товарищей моих
Я вижу радостный порыв,
Я слышу твердые слова,
Я вижу ясные глаза,
Я вижу искренность в борьбе,
Доверье, хоть чужому, мне.

Ну а конечно, за едой
Бывает разговор иной:
С упорством русским их всегда
Я называю 'господа'.
Они смеются надо мной
И дразнят Библией святой.
Откуда им было узнать,
Как мне пришлось присягать,
Над логарифмами подчас,
Они смеются целый час.

Хотя работа всё идёт,
Хотя подлунный наш народ
С Венеры дышит кислород.
Но от расчета моего
Не видно больше ничего.

С командой спутников держать
Вокруг Венеры не хотят.
А как не сложен автомат,
Он все-ж немного глуповат.

Когда вы смотрите с Земли,
Венеру можете найти
Иль предрассветною звездой,
Или вечернею порой.
Если Венера заблестит,
Когда закат ещё горит,
То значит на пути она
К Земле приблизиться должна.

Кó времени тому с Земли
Летят к Венере корабли.
Как стая ос вокруг гнезда,
Кружатся спутники тогда.
И каждый будто бы черкнёт,
Наружный воздух зачерпнёт;
Потом как мячик отлетел,
Пузырь на нём большой нагрел.
И в направлении Земли
Летят такие пузыри.
А спутники опять кружат,
Опять черкнуться норовят.

А сколько этих пузырей
Прошло у нас мимо ушей!
Как трудно было их поймать!
Как трудно кожу не порвать!
Так вот мечтание моё
Теперь во что превращено
И что осталось от него? —
Лишь дерзновение одно!

Сон Шестой

И снова снятся мне подземные палаты
И голубой скалы заманчивый узор,
Мерцающие лампы - автомата
И моего угла монашеский убор.

Я снова на Луне как дома,
Я снова в обществе товарищей моих.
Так эта обстановка мне знакома
И так легко живется среди них.

Мечта ли это долгого изгнания?
Тоска ль по Родине забытая давно?
Иль скрытая глубоко в подсознание
Слепая вера в высшее добро?

Вот снится мне я на собраньи,
Вопросы все обсуждены давно,
И решены - не трудное задание
На этот раз из центра нам дано.
Но расходиться нет у нас охоты
И некуда особенно спешить;
Приятно посидеть, услышать что-то,
Приятно по душам поговорить.

Он: Скажите, правда-ль, что у вас в Канаде,
Обязан всякий Бога почитать:
По воскресеньям все закрыто Бога ради
И ничего нельзя нигде достать?

Я: У нас в Канаде веруют различно,
Церквей и сект несметное число,
Имеет каждый право безразлично,
Избрать себе какое хочет божество.
Всяк может быть Буддистом, если хочет,
Еврей, Баптист, Свидетель Еговы;
Там никакая вера не порочит,
Ведь всякая источник доброты.
Агностики, я думаю, не меньше,
Чем там у вас, ну а запрет
Воскресный, даже на театр, конечно,
Стеснительный есть прошлого завет.

Он: У нас одни старушки в церковь ходят,
Иль люди недовольные судьбой,
Которые совместно Бога молят,
Чтоб Бог помог спихнуть им ненавистный строй.

Я: А я так думаю, товарищ милый,
Что Бог отлично дело расчитал:
Он во время дал силу коммунизму,
Он во время и немцев задержал.

Он: Разбили немцев мы своей рукою,
Упорством, кровью и умом;
Не надобно быть умной головою,
Чтоб понимать, что Бог здесь не при чём.

Я: Ну хорошо, я знаю как сражались,
Как жертвенно и смело шли,
И как в боях на жертвах обучались
И как умно вы дело повели.
Но разве не было у вас удачи
И всё всегда предвидеть вы могли,
И не могло-ль случиться всё иначе,
Судьбу возможно ль обойти.

Он: Случалось, верно, и у нас удача,
Но ведь удачу можно проморгать:
Тут ловкость, ум, ума задача,
При чём тут Бог и Божья Мать.

Я: Судьба, я не могу поверить что она слепая,
Я не могу понять как это может быть,
Что в мире произвол царить,
Когда природа вся сверхмысленно большая,
Случайности не хочет допустить.
Что было первый раз - не может повториться,
То будет раз второй иль сотый все равно;
Прошедшее не может возвратиться,
Каким бы ценным не было для нас оно.
Так каждый миг, рожденный предыдущим,
Рождает новый миг - частицы вещества
От траектории своей не могут отклониться,
Запечатлев полёт в пространстве навсегда.

Я: Что верно для звезды, которую я вижу
 В привычной точке в небесах,
 И подсчитав - через миллионы лет предвижу,
 На новом месте в небесах.
 То верно для меня, для всех людей на свете,
 Для всех зверей, растений и камней:
 Мы все из вещества, мы все на этом свете
 Подчинены закону наших дней.
 Но кто-то есть, который запрещает
 Нарушить им поставленный закон,
 Который жизнь даёт и наполняет
 Сознанием тело мне как дивный сон.
 Он есть, Он жив, Его дыханье,
 Я чувствую в движении вещества,
 Моё и счастье и страданье
 Его присутствием освещены всегда.
 Он знает всё, но не моим сознанием,
 Свидетеля событий на Земле.
 Он видит изнутри всё здание,
 Весь этот мир в самом себе.
 Он вечен тем, что подчиняет
 Пространству время - свету всё
 Его присутствием сияет,
 Где существует вещество.
 Но в человеческом сознании,
 Он сам как человек живёт:
 Он здесь вблизи в своём создании
 Стремлении жизни придаёт.

 Едва я кончил - гром аплодисментов,
 Смеются парни надо мной,
 И я смеюсь - то шалости студентов,
 Поддели жулики, опять, и не в первой.

Он: А ну Товарищ Лунная Соната!
 Тащи пластинку нам сюда,
 В честь проповедника и брата,
 Мы лунный гимн сыграем для тебя!

Сон Седьмой

Из этой жизни на Луне,
Что видел я тогда во сне,
Я вспоминаю два лица.
Два интересных образца
Людской породы молодой,
Серьезной, вдумчивой, живой.

Петро Гаврилов лётчик был
Моложе всех, но всех бодрил,
Всегда беспечен и счастлив,
Готов на всяческий порыв.

Он твердой волей обладал
И никогда не отступал,
Какой бы ни был переплёт,
Он не отступит, не уйдёт.
И смерти посмотреть в глаза
Ему не стоило труда.

Второй, ученый специалист
И теоретик социалист —
Иванов Павел был такой,
С холодной умной головой.
Его и хлебом не корми,
головоломку предложи.

Но уж когда он что нашёл
И точно к формуле привёл,
То сбить его никак нельзя,
Теряешь время только зря;
С терпеньем выслушает вас
И опровергнет все зараз,
Не словопрением пустым,
А смыслом веским и крутым.
Так с Ивановым за столом,
Остались как-то мы вдвоём.

Он: Зачем, тогда, он говорит,
Взялись вы нас тому учить,
В чём сами вы, признать должны,
Совсем не так убеждены.

- Я: Да, Иванов, вы правы в том,
Что я совсем не убеждён
И не учить я вас хочу,
А возражение ищу.
Не я те споры затевал,
Я на вопросы отвечал.
Я знаю, наша молодёжь,
Ей отрицанье не втерпез,
Хотят они наверно знать
И все до точки понимать.
Реальный мир — как есть такой,
Понять не может мозг людской.
Мы символами говорим
И символы понять спешим.
А результат неоспорим,
Мы с вами на Луне сидим.
- Он: Вы может знаете о чём вы говорите,
Но молодым запутаться легко.
Подумайте, как много навредите,
Когда один из них поверит вам на зло.
- Я: Моим сомнениям поверить очень трудно,
Но если кто из них попробует, как я,
Искать настойчиво и безрассудно,
То свет увидит он Евангелья Добра.
- Он: Мы эту монополию добра отлично знаем.
Любая секта хочет утверждать,
Своё понятие... Мы монополию добра не допускаем
И никогда не будем допускать.
- Я: Добро и зло вы судите конечно
И цените добро не менее меня;
Не думайте, что можете беспечно
Забить источник жизни и добра.
- Он: Источник жизни вовсе неизвестен,
Добро и зло зависят от людей.
Вопрос добра в расчетах неуместен,
Мы техникой живём удобней и полней.
- Я: Добро и зло — как всё вообще в природе,
Подчинены законам вещества,
Мы все толкуем много о свободе
И беззаботно сеем горя семена.

Мы видим цель в познании достижениях,
В прогрессе общества усматриваем смысл
Зачем? Лишь для того, чтоб в наслаждениях
И пресыщении удобств угасла наша мысль?

Он: У вас в словах звучит презрение к человеку,
А мы, мы верим в человечества прогресс.
Принадлежите вы к угаснувшему веку,
Не остановите вы начатый прогресс.

Я: Задерживать прогресс бессмысленно и вредно,
А презирать могу я лишь себя
И только от того что знаю я наверно,
Что варится там в глубине меня.
Вы верите в прогресс, что значит эта вера?
К чему стремитесь, что желаете достичь?
Удобство жить? Довольства? Что за мера
В оценке будущности там у вас лежит?
Вы знаете, что там у нас за Океаном,
Народ живёт безбедно — широко
И развращается и пьяным
Бесцельно и бессмысленно идёт на дно.
Мир разделяют два мировоззренья:
Одно — организованный удобно эгоизм,
Всеправный, вседозволенный до забвенья,
Своих же собственных логизм.
Другое — Ваше — как бы новое течение.
То принудительный, скажу идеализм:
В истории Религий и гонений,
Повторный и обычный механизм.
Но я ищу какого-то просвета,
Я жажду правды и тепла,
Неужто спутника ракета
Предел понятию добра.
От вас я слышу только отрицанья
Моих всех ценностей и всех идей,
Но в силе веры вашей я ищу признанья,
На вас надеюсь я, на новый тип людей.

Он: Ну, дорогой канадец, вы смешали
Прогресс и предрассудки Бога и чертей,
Такую кашу намешали,
Что даже чорт сломает ногу в ней.

С о н В о с ь м о й

Опять мне снится Лунная Соната.
Приснился снова мне таинственный полёт,
Безвестности покой и шелест автомата,
Кабинки спутника упругий переплёт.

Я знаю, что полёт опасен,
Что мы отправились куда-то далеко,
Что обсервации ответ совсем не ясен
И не вернуться можем мы легко.

Гаврилов лётчик мой не очень весел,
Хотя назвался сам в далекий путь.

Он: Ну что канадец нос повесил?
 Не хочешь ли обратно повернуть?

Я: Я знал заранее условия полёта,
Я сам решал, мне некого винить.
А у тебя, Петро, судьба пилота,
Придётся уж тебе меня простить.

Он: Чего прощать, все обойдется,
Я сам тебя везти взялся.
Уж очень ты умён, придётся,
Комунибудь да вызволять тебя.

Я: Ты что-то мне не очень доверяешь...

Он: Да ты на это не сердись,
Мне не понять, зачем так много ты болтаешь,
К твоим словам как можно отнестись?

Я: Я много говорил, и может быть напрасно,
Но разве не видать, когда я говорю,
Что говорю я искренно и страстно,
Так это потому, что правду я люблю.

Он: Тебе в Канаде нет причины опасаться
И фантазировать тебе разрешено,
Но ты не думай задаваться,
Твой все мысли знаем мы давно.
Ты говоришь что правду любишь,
Ты там и Библию читал,
Но разве веру ты не губишь,
Когда её растолковал?

Ты хочешь знания, не веры,
Тебе до веры дела нет.
Ты для всего нашел примеры,
На Божий смысл нашёл ответ.

А я тебе скажу, что прежде,
Когда Христос людей учил,
То поняли Его невежды
И их Он верить научил.

А умники тогда судили
И были не глупей тебя,
Сообразили, обсудили,
Да и казнили простака.

И наши умники в Союзе
Не лучше прежних их друзей;
Соображают их не хуже
И тоже мучают людей.

Я: Так вот ты как? Мне слушать чудно!
Я этак думать не привык!
Понять тебя мне очень трудно,
Как будто чуждый мне язык.

Он: Когда Учитель жил на свете,
Он разве прямо говорил:
Ведь слушали Его как дети,
Он непонятное учил.
Ученики не понимали,
А всё же слушали Его,
Его без смысла обожали
И верой приняли Его.

Я: А разве не могу я верить?
А разве я Его не чту?

Он: Да ты ведь хочешь всё проверить
И знаньем равным стать Ему.

Я: Я это в мыслях не имею!

Он: Неужто это не понял?
Когда ты нам свою рацею
О Божьем промысле читал?

Я: Скажи Петро, скажи мне прямо,
На что дан человеку смысл,
Когда старательно, упрямо
Свою он угашает мысль?

Он: Христова вера мысль не угашает,
Лишь отучает думать о дурном.
Распушенность в мышленьи превьшает,
Распушенности вред во всем другом.
Свобода думать самое дурное,
Свобода говорить любви наперекор,
Свобода проповедовать всё злое,
Свобода высмеять и совести укор.
Свободы эти вера запрещает,
Она одна Христова вера есть,
Что душу от растления спасает
И тяжесть жизни помогает снести.

Я: Меня Петро, ты судишь очень строго,
Я не пойму, чем это заслужил.
Тебе не нравится, что говорю я много,
Иль может быть, что я безбожников дразнил.
Ты, может, думаешь, что рационально
Не следует о Боге рассуждать,
Что это для меня нахально
В вопросах богословия логично рассуждать.

Он: Когда б я думал, что без смысла ты болтаешь,
С тобой не стал бы говорить.
Ты наш - ты как и мы страдаешь,
Но что-то ты не можешь уловить.
Ну скажем так - когда ты вдохновленье
Почувствуешь, что на тебя нашло
Христа присутствие в то самое мгновенье
В твоё сознание разве не вошло?
Когда ты говорил там с нами,
Ты думал ли что с нами Он сидит
И узнает всё, и за словами
Твоими, каждый миг следит.

Когда привыкнешь ты трудиться
И жить и думать, всё при Нём,
Тогда забудешь ты стыдиться
И счастье обретишь во всём.

Я: Для этого необходимо верить
Так сильно, как я верить не могу.

Он: Я знаю, хочешь ты проверить
И Бога видеть наяву.

Я: Но в Библии такие небылицы...

Он: Зачем они тебе нужны.
Оставь, забудь эти страницы,
Не поддавайся искушенью Сатаны.

Я: И в Сатану я должен верить?

Он: А ты, что разве ты не жил?
Не может быть, чтоб не успел заметить,
Как жадной власти он людей заморозил.
Или у вас в Канаде горя не бывает?
Иль не видали вы войны?
Чтоб не понять как человека он меняет,
Как ненавистью все заражены.

Я: Да эта наша русская доктрина!...

Он: А ваша может-быть добрей?
Озлобленность Нази, а бомба Хирошима,
Бессчетные страданье в Азии людей.
Всё это для того, чтобы заставить
Другого человека слушаться меня.
Всё это для того, чтобы представить
Добром всё то, что выдумаю я.
Решенье бросить атомную бомбу
Имеет свой логический подход,
Как и распять Христа иль в катакомбу
Загнать Его детей иль вывести в расход.
Мыслителям Господь мешает,
Мыслитель хочет сам понять.
Мыслитель сам себя отлично оправдает,
А что не понял будет отрицать.

Но перед смертью эти измышленья,
Теряют цель и смысла остроту;
Потери жизни, страшное томленье,
Вскрывает матерьяльной жизни пустоту.
Вот почему рационалисты
Пред смертью мечтают, чтоб не быть,
Все эти чистой мысли специалисты,
Все извинения свои хотят забыть.
И думают они что крематорий
Избавит их от высшего суда,
Всё кончено и никаких историй,
Прошедшее забыто навсегда.

Я: Ты может прав Петро, а я не знаю,
Мне не дано сверхчувствие твоё
И вероятно понапрасно я страдаю,
Мне не найти святое Божество.
Я думаю ты прав, но соглашаться
С тобой я этак просто не могу,
Не всякому дано от мысли отказаться,
Не всяк стремленье сердца предпочтёт уму.
Мне хочется, как и тебе, поверить,
Мне хочется надежде дать всего себя,
Но я не создан так, я должен всё проверить
И в этом не могу винить себе.

Он: Нельзя искать - молиться надо.

Я: Ты думаешь, что я молиться не могу?
Неправда - я молюсь, и сердце радо,
Когда Его о помощи прошу.

Я слушаю, Петро не отвечает.
Проснулся я, в постели я лежу.
Хор птичий за окном рассвет встречает,
Роса блестит в благоухающим саду.

Сон Девятый

С тех пор не радостны мне стали сновиденья,
Не безмятежно я готовлюсь засыпать.
И даже наяву я смелое сужденье,
Не смею больше заявлять.

Но не волны мы изменить мечтанье
И сон мне снится не спросив меня,
Неведомо зачем, то счастье, то страданье
Несёт любой час ночи или дня.

Вот снова снится мне собранье,
Все те же лица вижу я
И так же дружно разобрав заданье,
Мы напоследок можем поболтать шутя.

Вопрос идёт о возвращеньи
Моем на Землю — уж давно пора:
Пришло Патрона разрешенье
И с нетерпеньем ждёт жена.

Я слышу радостные речи,
Распросы о моём житье;
Мой дом, мой сад, какие встречи,
Там на Земле приятны мне.

Зима в Канаде не страшнее.
Зимы на Родине моей,
Ручьи бегут не веселее
На зов весенних тёплых дней.
И те же ели и берёзы,
И те же вербочки весной,
И так-же празднуют стрекозы
У нас короткий летний зной.

И та же осень золотая
И так же грустно на душе,
Когда последний лист срывая
Бушует ветер в октябре.

Родной земли воспоминанье
Для каждого из нас милей,
Героев Космоса названье
И славы будущих людей.

Да, слава в будущем, а ныне
Та слава нам запрещена,
Живём в секретной мы пустыне,
О нас не ведаёт Земля.

Хотя не раз мы повстречали
С чужой командой корабли,
Хотя наверно замечали
И наши с воздухом шары.

Но те, которые встречали,
Не захотели нас видать,
А те, которые видали,
О нас не смели рассказать.

Хоть звездный флаг на лунном поле,
Открыто место указал,
Куда в своем бахвальном споре,
Не раз соперник прилетал.

Но подготовка жизни новой
Страны для правнуков моих,
Есть труд опасный и тяжелый
И неизвестный для других.

Так на Земле у нас не знают,
Что лунный свет уже не тот,
Как раньше при Луне гуляют
И милый милой руку жмёт.

Лишь сторожилы уверяют,
Что в молодые их года,
Которых молодежь не занет,
Луна серебрянной была.

Жена в своих телепосланных
Не хочет обо мне писать
И только в жизни описанных
Намёк могу я угадать.

Теперь пора мне возвратиться
Домой в уютный угол мой,
С тревожной жизнью распротиться,
Спокойной жизнью жить земной.

Моих товарищей веселье,
Не очень трогает меня;
Их пригласить на новоселье,
Мне не придется никогда.
Их голоса я не услышу,
В их лица я не посмотрю,
В речах их смелых не услышу,
Дерзаний будущих судьбу.

Иванов: Ну вот, товарищ из Канады,
Так Иванов мне говорит,
За вас, как видите, мы рады,
Зачем у вас печальный вид?

Бойтесь вы по возвращеньи
О нашем деле разболтать,
Иль наши сложные решенья
Беспечной прессе передать?

Вы помните, вы обещали
И даже Библией клялись,
Вы может веру потеряли
И с'час не можете найтись.

Мы знаем трудно вам придется,
Мы знаем трудно не сказать,
Когда вокруг человека вьется,
Чужих корреспондентов рать.

Я: Нет Иванов, об этой клятве,
Давно я думать перестал,
О нашем деле, нашем братстве,
Я б никому не рассказал.
Не потому-что в самом деле
Я перед Богом обещал,
А потому-что я так верю,
Я Божью волю выполнял.

Он: Ну вот опять он Бога вправил,
Да так, что чорт не разберёт,
Каких он неизвестных правил
Религиозный взял подход.

Он: Мне здесь пришлось, для спора с вами
Всю Библию перечитать.
Ношу её с собой в кармане,
А смысла не могу понять.

Я: Да эта книга по-английски!

Он: Ну да, то самая она,
Что вместо логарифмов списка
Была подложена тогда.

Я: Зачем понадобилось шутку,
Со мной такую вам сыграть?

Он: Для суеверных эта штука
На клятве чуда есть печать.

Я: Я разве так уж суеверен?

Он: Вот в том то есть и вся беда,
Никто не может быть уверен,
Не разгадать вас никогда.
В религиозных убеждениях,
Во взглядах, в мыслях и в душе,
Всегда живёте вы в сомненьях,
Вопрос вы ставите везде.

Я: Скажите Иванов - когданибудь слышали,
Чтоб я от вас нарочно что-то скрыл?
Вы мне всегда во всём так доверяли,
Я чем то это верно заслужил.

Он: Оно-то верно откровенны
Всегда вы были - это да.
Но как узнать, что неизменно
Вы верны будете всегда.
Моей вы власти не страшитесь,
Вы нашей истины не раб;
Вы даже Бога не боитесь,
У вас и Бог довольно слаб.

Я: Иванов — вы сейчас сказали,
Что с целью понимать меня,
Вы эту книгу прочитали,
Мне честь такая дорога.

Возьмите смысл как можно шире,
То был иль сказка — смысл один —
Однажды жил вот в этом мире,
Моральной силы исполин

Он одарён был властью полной
И звукам голоса Его,
Смиренно подчинялись волны
И ветры слушались Его.

Но никогда Свою Он силу
Во вред врага не проявил
И никого Своею силой,
Ни в чём Себе не подчинил.

И современники считали,
Что власть Он проявить не мог;
И только редкие поняли,
Что не хотел, и что Он Бог.

Он научил нас не бояться:
Страданья, горе, смерть сама —
С моральной смертью не сравнятся,
Моральной силе не страшна.

Он: Чудак вы, милый наш Канадец,
Ну ладно, ладно — всё равно,
Домой вернетесь — вы наш братец,
Вам дома будет хорошо.

Сон Десятый

Читатель дорогой, когда нибудь случалось,
Вам увидеть во сне, что вы летать могли?
Что тело ваше в воздухе как бы без веса оставалось
И не касались вы земли.

Вы кажется краснеете, читатель,
Наверно Фрейда вы прочли.

Не верьте - в этом деле Фрейд не менее гадатель,
Чем сонники, что уважали бабушки мои.

Учёные когда-то утверждали,
Что сны падений иль полётов сны:
От обезьян происхождение наше доказали,
Тем, что во сне с деревьев падали они.

На воле спящих обезьян я видел
И нахожу, что это клевета.

Учёный этот предка своего обидел,
Не упадёт та обезьяна никогда.

Я это говорю к тому, что фантастичны
Бывают об'яснения серьезнейших людей,
Что сны мои не менее типичны,
Что я не первый волю дал фантазии своей.

Уж если говорить о том, что наши предки,
Когда-то невесомости понятие обрели,
Не значит ли что в спутника упругой клетке,
Они на Землю к нам сошли.

Не значит ли, что небожитель
В понятии людей, забывших свой исход,
Всегда остался высший победитель,
Всесильный и всезнающий Господь.

Каким казаться должен несомненно,
Тот космонавт с культурой неземной,
Своим потомкам одичавшим постепенно,
Что выродились в род людской.

Вы скажете, что данных нету,
Предполагать, чтобы такое существо как человек
Могло бы появиться на другой планете,
Развиться как и мы и как и мы отжить свой век.

Я думаю, что математик вам ответит,
Что если времени предела нет
И нет конца пространству и отметит,
Что ограничен человек.

Число частичек тела нам известно,
Числу различных комбинаций есть ответ,
То значит повторится несомненно,
Та комбинация чрез столько тысяч лет.

Компьютер вычислит ничтожность шанса,
Вам встретить своего же двойника,
И он укажет также невозможность шанса,
Не повториться никогда.

В пространстве та же самая идея -
Ничтожность шанса двойника здесь на Земле
И несомненность повторенья
На небе где-то там извне.

А впрочем говоря о предках,
Я в честь себе всегда сочту,
Иметь в роду приматов редких
Или хотя бы кенгуру.

Животное греха не знает,
Животное не будет рассуждать,
Животное вперед не рассчитает,
Кого и как там надо растерзать.

А люди, да, нам велено конечно,
Любить людей, но если человек посмел,
Решить за вас судьбу, возможно ли сердечно,
Любить того, кто это захотел.

Я всё пишу кругом и около затем, что не решаюсь
Последний сон мой описать.
Прошу простите, постараюсь
Об этом просто рассказать.

Приснилось мне, что возвращаюсь
Я в спутнике на Землю, я один.
Что невесомости я чувство ожидаю,
Я жду, что выгорит бензин,
Иль там другое топливо - не знаю
Но вот проходит миг, другой и перемены нет,
Я невесомости ещё не ощущаю
И в памяти своей ишу ответ.
Я вспомнил, что обычно, отлетая,
Отяжелеет тело всё моё,
Рука как камень, сильно нажимая
На спину давит колыбели решето.
Но этот раз такое не случилось,
Я руку приподнять могу легко
И даже приподняться, что-то приключилось
С ракетой аппарата моего.

Я вспомнил про Петра - он эту дату
Не одобрял и все со мной лететь хотел
И уверял что он бы автомату,
Меня доверить не посмел.
Отстал он только потому, что весь расчёт полёта,
Его бы вес нарушил и ушёл,
Не попрощавшись, а сейчас его работу,
Его подарок я нашёл.
В тетрадке маленькой Евангелъе от Иоанна,
Славянской вязью он переписал;
И на обложке серенькой простой и рваной,
Читать до смерти завещал.

Я пробую по радио настроить передачу
И слышу голос мне чужой,
Записанный на ленту - Мне задачу
Даёт тот голос не живой:

Вы сейчас летите с постоянным ускореньем,
В один и три десятых же,
В три дня достигнете вы скорости движенья,
Немного менее чем сотая от э.
При этой скорости явленья,
Вам относительности можно наблюдать,
Вы будете вблизи Земли и наблюденья
Свои на Землю вы должны нам передать.
А дальше всякие другие указанья, длинна волны,
Программа записей и астронавтики углы.
И это всё — А что же дальше?
А что-же будет на четвертый день.
Один процент от Э — Остановиться больше
Вопроса нет. Исчезла подозренья тень,
Я понял, что конец. Я понял — это проще.

В своём смущении оставил я бежать
Магнитной записи катушку
И вдруг я слышу звуки музыки опять,
Сонату Лунную, любимую старушку.
Сквозь музыку я слышу голоса,
Мне кто-то говорит тихонько:
Канадец, не сердитесь на меня
И не кляните нашу вы сторонку.
Вас отпустить на Землю нам нельзя,
Не можем мы на самом честном слове,
Основывать всю будущность страны.
Мы верим вам, мы верим вам тем более,
Что отпустить вас не должны:
Кабы не эта ваша бородавка,
То мы бы вас ещё пустить морли,
Пропала — нет её — мерзавка.
А заменить её мы средство не нашли.

Мерритт, Британская Колумбия, Канада.
18-го октября, 1966 года.
А. Орбелиани